Теория исторического процесса и методология науки

УДК167.7

Таранова А.Е.[1]

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина

Taranova A.E.

POST-CLASSICAL PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF HISTORICAL SCIENCE

Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry of Russia for them. I.D. Putilin

Аннотация. В статье с философско-методологических позиций осуществляется оценка состояния и перспектив развития методологии исторической науки. Акцент делается на сравнении типов научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической) и соответствующих им критериев научности. Особое внимание обращается на то, что проблемы методологии науки, в частности истории, обостряются в связи с трансформацией классической науки в постнеклассическую. Обоснование эпистемологических оснований современной исторической науки осуществляется через призму антропологического и лингвистического поворотов методологии социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова. Историческая наука, классическая историческая наука; постклассическая историческая наука, лингвистический поворот, антропологический поворот, источник, историческая реальность, методология.

Abstract. The article assesses the state and prospects of development of the methodology of historical science from the philosophical and methodological positions. The emphasis is on comparing the types of scientific rationality (classical, non-classical and post-non-classical) and the corresponding scientific criteria. Particular attention is drawn to the fact that the problems of

[1] Таранова Александра Евгеньевна — канд. социолог. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

the methodology of science, in particular history, are exacerbated by the transformation of classical science into non-classical and post-non-classical. The substantiation of the epistemological foundations of modern historical science is carried out through the prism of anthropological and linguistic turns of the methodology of social Sciences and Humanities.

Keywords. Historical science, classical historical science; post-classical historical science, linguistic turn, anthropological turn, source, historical reality, methodology.

Современная эпистемология исторических наук трансформируется в постнеклассическую, миновав классический этап и завершая неклассический. Признание ценностной природы социокультурной реальности в новой исследовательской парадигме повлекло ряд изменений в стандартах научности и методологических основаниях исторических наук.

В целом постнеклассическая методология науки отличается от классической указанием на принципиально важную роль антропологических и социокультурных факторов, обусловливающих научное познание, признанием социокультурной и исторической изменчивости научного знания, его принципиальной неполноты.

В системе научной рациональности можно выделить следующие основные типы: классический, позитивистско-сциентистский и постклассический, коммуникативный (или герменевтический), основывающийся на различении понятия и понимания.

Каждый из перечисленных типов рациональности может служить основанием для периодизации методологии и системообразующим началом по отношению к обширному по объему материалу, накопленному историческими науками.

Так, наука и философия Нового времени развивались под эгидой классической научной парадигмы, для которой характерны были следующие характеристики и принципы научности: *натуроцентризм, механицизм, методологический монизм, сциентизм, гносеологический объективизм*. Отталкиваясь от данных принципов, классическая теория научного познания «исходит из наивного реализма и не менее наивного репрезентатизма: веры в объективность существований внешнего мира, естественного порядка (предустановленной гармонии) в нем и возможности полного и точного его воспроизведения в сознании» [4, с. 405]. Ориентация на объективизм и механицизм, который в частности реализовывался через веру в «предустановленный порядок», воплощалась в теориях естественного права, естественной истории, естественного человека, позитивизме.

Историческая наука мыслилась как аналогичная естественным наукам. Исторические факты в истории, как и социальные факты в социологии, рассматривались как объективная реальность, опирающаяся на всеобщие историко-социальные законы бытия и запечатленная в источниках (исторические источники в данной интерпретации — единственное, надежное, истинное основание реконструкции прошлого и прогнозирования будущего).

В конце XIX — начале XX столетия широкое распространение получают иррационалистические и антисциентические умонастроения, связанные с кризисом буржуазного общественного порядка. Теоретическую форму эти умонастроения получают в философии Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Б. Кьеркегора и других.

Критика классической науки была связана, в первую очередь, с критикой модернистских, просвещенческих мировоззренческих установок, с завершением модернизационных процессов и формированием культуры постмодерна. В постмодернистском видении задача человеческого разума отнюдь не сводится к реконструкции существующего в мире порядка. Познание рассматривается как конструирование, интерпретация мира. А поскольку мир для человека существует лишь в интерпретациях, которых может быть множество, то объект познания неотделим от субъекта познания.

Представляется, что культура постмодерна, с ее ярко выраженным креативным началом, является неким важным смысловым контекстом, в окружении которого развивается неклассическая наука. Концептуальный каркас которой неотделим от принципов *полипарадигмальности, теоретической гетерогенности и методологического плюрализма.*

В рамках неклассической эпистемологии различные парадигмы исторической науки не только позиционируют свой особый предмет познания, но и формируют свой метод. Так, историческая герменевтика определяет в качестве метода интерпретацию и понимание исторических источников и текстов; неокантианство (аксиология) — метод «отнесения к ценности»; историческая феноменология базируется на методологии феноменологической редукции исторической реальности; исторический прагматизм — на методе реконструкции опыта; постмодернизм выдвигает методологию деконструкции исторических источников, идеологических, правовых, литературных текстов, являющихся также информативными для историков.

Воплощение в исторической науке находит неклассический принцип *субъективированного объекта* познания и принцип *личностного знания.* Так, например, Р. Дж. Кол-

лингвуд постулирует идею неразрывности связи прошлого и истории идей о прошлом (история есть история мысли и мышления). Поэтому постижение истории возможно только через проникновение во внутренний мир субъектов, действия которых изучаются (исторические факты исходят не из исторических источников, а из исторической мысли) [5].

Неклассическая наука, расширяя горизонты познавательной деятельности, вместе с тем, столкнулась с рядом проблем, важнейшими из которых стали фрагментация представлений о социальной реальности, ее культурно-исторического измерения, утрата его целостного видения. Так, «на вопрос о том, существует ли объективный мир, “природа вещей”, а тем более — мир прошлого, с которым должно быть соотнесено научное — историческое — знание, представители постклассической эпистемологии отвечают чаще всего отрицательно. Образ мира для них — это скорее конвенции, соглашения научного сообщества [общества в целом — *А.Т.*]» [4, с. 407]. Именно стремление преодолеть эти проблемы, ставшие следствиями установок радикального постмодернизма, становится стимулом развития нового постнеклассического типа науки.

Становление постмодернизма и начало «лингвистического переворота» в историографии и исторической науке отсчитывается от выхода в свет книги У. Хейдена «Метаистория» (1973 г.) («лингвистический поворот» вместе с тем являются силлогизмом «антропологического поворота» в эпистемологии). Любое произведение (текст), имеющее исторический характер им рассматривается как вербальная система — «язык не просто придает правдивость историческому рассказу, но, по сути, порождает его содержание. В любом случае, вне языковых форм и их активности истории как таковой не существует» [4, с. 407]. Исторический дискурс конструируется с помощью поэтических и идеологических форм, а история это проекция на прошлое, мир в целом, моделей современного мировоззрения и понимания (реконструкция прошлого непосредственно связана с конструированием настоящего и будущего).

История, ее явления, факты, источники, которые имеют антропологический характер (являются «продуктами» многообразной деятельности людей) неотделимы от нарративов и кейсов. Нарративы и кейсы являются отражением индивидуальных модусов бытия социального, преломления, предметного воплощения и трансформации социальных норм и ценностей в индивидуальных и социальных практиках, из них конструируется социально-историческая реальность, следуя от «жизни» к идеалу, теории. В свете этого текст для

истории представляется особой реальностью и единицей исторического, семантического анализа. Следуя традиции Ф. Шлейермахера, предтечи современной герменевтики, тексты можно рассматривать как памятники событий, от которых исследователя отделяет большая временная, историческая, культурная, языковая дистанции (его необходимо толковать в соответствии с содержанием первоисточника и его контекстом).

История неотделима от онтологической, аксиологической, гносеологической, антропологической форм бытия социального. Каждый социальный феномен проходит становление от первоначально формирующегося образа к понятию, получая на этом пути синкретичное художественно-образное понимание через миф, религию, искусство, обыденное сознание и свидетельствующее о его институционализации научное осмысление. Историческая реальность является интеграцией ментальной, когнитивной, языковой реальности.

В свете этого исторические источники никогда не могут быть объективно-истинным описанием исторических событий, так как являются продуктом творчества конкретного исследователя, обладающего индивидуальным мышлением, познавательные возможности которого определяются типом господствующей картины мира и индивидуальными качествами; потенциально неполны и фрагментарны. Субъективной является и интерпретация источников исследователем, их изучающим, так как намерение автора и результат - интерпретация текста читателем — никогда не совпадают. Читатель неизбежно входит в авторский текст, привносит в него себя [2].

Таким образом, цель интерпретатора — историка-исследователя — понимать и знать текст и обстоятельства его создания (контекст) лучше, чем сам автор (на это указывал Ф. Шлейермахер). Впоследствии «Дильтей, Гадамер и многие другие истолковывали это следующим образом. Автор, погруженный в сове время, что-то в нем воспринимает бессознательно, следовательно, что-то ему не вполне ясно. Исследователь, да еще отдаленный от времени автора, лучше осознает и язык текста, и сопутствующие тексту обстоятельства …Поэтому он может знать больше чем автор» [1, с. 187].

Следовательно, «историческая наука искажает реальность прошлого дважды: современник того или иного события (летописец, очевидец реформ) всегда фрагментарно, избирательно описывает данное событие, а историк (представитель современной науки), воспринимающий прошлое с точки зрения сегодняшней культуры, огрубляет его «в квадрате»» [4, с. 410]. Очевидной становится невозможность полноценного прочтения и пони-

мания исторического прошлого с помощью современных познавательных средств и художественно-коммуникативных форм и образов.

Указание на то, что историческая реальность такова, каков язык восприятия и рассуждения о ней — одно из центральных постмодернистских утверждений. История исторической науки (как и других социально-гуманитарных наук) — «это история смены базовых цивилизационных, культурно-исторических, концептуальных парадигм в понимании и определении социального общения в терминах определенного языка. Языковая реальность — производная ментальной и когнитивной реальности. Ментальная и когнитивная реальности — формы существования социокультурной реальности…» [3, с. 10].

Проблемой познаваемости мира становится его референтность, продиктованная спецификой средств формирования современной социальной реальности — лингвокоммуникативных, пространственно-образных, темпоральных (основанных на необходимости соотношения знака и предмета, плана-содержания и плана-выражения).

Таким образом, современное видение социальной реальности утверждает, что любое явление существует в трех измерениях: в виде массового поведения, знаковой формы, ментального образа, включая индивидуальные, групповые, коллективные формы проявления.

Очевидно, что методологические устремления постмодернистской методологии на уровне научном соответствуют практическим целям и направлениям реализации модели мультикультурализма как инструмента современной политической глобализации.

Применительно к исторической реальности постмодернизм использует широкий спектр методологических приемов. Утверждается, что под внешней целостностью исторической материи скрывается противоречивый набор фрагментов. Искусственный поиск универсальных начал и общего знаменателя, уравнивающего все противоречия, усиливает противоречивый характер истории. Для преодоления данной проблемы необходимо концентрировать внимание на различиях национальных моделей исторических процессов.

При оценке тенденций постмодернизма, обращается внимание на то, что «…они сами по себе не содержат позитивной программы для исторической науки. Это и побудило историков к выработке новых методологических подходов к описанию прошлого. С некоторыми оговорками, они образуют сегодня методологию “постклассической исторической науки”» [4, с. 413]. Как уже отмечалось, указанные методологические изменения (принципы постнеклассической эпистемологии) обусловлены антропологическим и про-

изводным от него лингвистическим поворотами в философии и методологии социально-гуманитарных наук.

Постклассическая методология современной исторической науки, — это неоднородное, полипарадигмальное образование (которое постепенно стремится к интегративности и новому типу метапарадигмальности). Несмотря на то, что направления постклассической методологии объединяет общее концептуальное основание, они отличаются акцентами на те или иные средства исторической реконструкции и стороны изучения историко-антропологической реальности (в центре исторических событий человек конструирующий, человек действующий, человек интерпретирующий).

В свете этого наиболее перспективными методологиями в постклассической истории являются герменевтическая история, история ментальностей, лингвистическая история, исторический дискурс-анализ, микроистория, отвечающие семиотико-лингвистической, дискурсивной, нтропологической, диалогической парадигмам, основанным на связи познания и коммуникации, герменевтики, исследовании связи языка и действия.

В свете утверждения постклассических методологических и гносеологических принципов в историческом познании расширяется система методов эмпирических исследований. Помимо количественных методов (анкетирование, наблюдение, стандартизированное интервью) внедряются качественные методы исследования, которые адаптируются и модифицируются применительно к анализу исторического материала. В систему данных методов входят такие как: case-study — реконструкция уникального явления, практики, жизненного опыта); этнографический метод — описание культуры, норм, ценностей, установок социальной общности, обладающей конкретными социокультурными характеристиками; включенное наблюдение; биографический метод, история жизни — изучение личного опыта человека, семьи на различных этапах жизни, в частности в условиях переходных периодов, социальных потрясений; интент-анализ — выявление позиции, установок субъекта в зависимости от особенностей речи и другие методы.

Качественные методы исследования позволяют выявлять, концептуализировать локальные, индивидуальные жизненные практики, проявляемые как на теоретическом (доктринальном) уровне конструирования социальной реальности, так и на бытийном, обыденном (в повседневной жизни отдельных людей, социальных групп и общностей во всем их многообразии) уровне.

Важнейшей проблемой современной исторической науки является интеграция методов исторической реконструкции и конструкции, дополняемая интегрированием науки с практикой. Если в советской исторической науке интеграция знаний и методов осуществлялась в рамках диалектико-материалистической концепции и на ее методологической основе, то сегодня в исторической науке (как уже было показано) признается плюрализм, на смену которому постепенно приходит интегративный подход.

Таким образом, постнеклассическая научная культура (которая находится на этапе становления и призвана преодолеть вызовы постмодернизма, сменив неклассическую эпистемологию) выдвигает *идеалы диалогизма, метапарадигмальности* научного познания, его *теоретического и методологического универсализма.*

Постнеклассические принципы выстраивания методологического аппарата исторической науки определяют перспективные направления трансформации ее предмета и метода, выделяя ряд факторов их определяющих:

— осознание того, что предмет и метод исторической науки исторически изменчивы и соответствуют вызовам конкретных культурно-исторических условий;

— историческое познание погружено в определенный культурно-цивилизационный контекст, определяющий ценностно-мотивационные принципы субъекта познания, отношение общества к исторической науке;

— развитие саморефлексии (относительно реальности, социальной обусловленности, субъективности);

— интеграция сконструированности и социокультурной обусловленности социальной реальности;

— человекоцентричность (человек как творец социальной реальности, воспроизводящий ее многообразием индивидуальных и общественных практик).

Таким образом, обозначенные методы и направления являются перспективными для развития методологических оснований исторических наук. Большинство из них являются достаточно новыми для системы исторического познания и требуют специальной проработки для адаптации к исторической реальности. Выявление и изучение исторических типов исторической науки является значимым в контексте определения форсайта моделирования ее философско-методологических оснований и эпистемологических принципов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баландина Э.Г., Березовая Л.Г., Пивовар Е.И. Философия науки в гуманитарном пространстве: учебное пособие для аспирантов гуманитарного направления / под общей ред. Е.И. Пивовара. М.: РГГУ, 2015. 312 с.

2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

3. Грамматика правопорядка: монография / науч. ред. В.В. Лазарев. М.: РГ-Пресс, 2018. 232 с.

4. История и методология юридической науки: учеб. для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, Т.И. Еремина, М.К. Ивина, А.Б. Сапельников, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. СПБ.: ИВЭСЭП, 2014. 254 с.

5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 484 с.

REFERENCE

1. Balandina JE.G., Berezovaja L.G., Pivovar E.I. Filosofija nauki v gumanitarnom prostranstve: uchebnoe posobie dlja aspirantov gumanitarnogo napravlenija / pod obshhej red. E.I. Pivovara. M.: RGGU, 2015. 312 s.

2. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika. M., 1994.

3. Grammatika pravoporjadka: monografija / nauch. red. V.V. Lazarev. M.: RG-Press, 2018. 232 s.

4. Istorija i metodologija juridicheskoj nauki: ucheb. dlja vuzov / I.JU. Alekseeva, JU.A. Denisov, T.I. Eremina, M.K. Ivina, A.B. Sapel'nikov, A.JE. CHernokov, I.L. CHest-nov; pod red. JU.A. Denisova, I.L. CHestnova. SPB.: IVJESJEP, 2014. 254 s.

5. Kollingvud R. Dzh. Ideja istorii. Avtobiografija. M.: Nauka, 1980. 484 s.

Рецензент:

Римский В.П., д-р философ. наук, проф., заведующий кафедрой философии и истории науки Белгородского государственного ин-та искусств и культуры.